

ИСТРЕБИТЕЛЬ КАМЕР

Рабочие находящегося в райцентре Теремковске асфальтового завода жутко не любили своего директора Креветкина. Мягко говоря, они его терпеть не могли. Самодур чистой воды, грубый, наглый, лживый. Своими поступками он то и дело возмущал рабочих. Однажды, например, у какой-то бригады получилась бракованная асфальтная смесь. Ну, такое порой случается: нарушили пропорцию – песка положили много, битума мало. С кем не бывает. Рабочие признали ошибку, были готовы всё переделать хоть в выходной. А директор говорит: «Ничего переделывать не надо. Я приказал этот асфальтобетон вывезти и выбросить». На первый взгляд, жест благородный. Только потом выяснилось, что выбросить бракованную порцию он приказал там, где работали дорожники, то есть подсунул им брак. Тех же потом обвиняли в плохом качестве асфальтового покрытия. Подвёл их директор под монастырь.

Это только один случай из многих. Поэтому, когда рабочие узнали, что Креветкин уволился, радости их не было предела. С работы в тот день шли с песнями и танцами, вечером даже выпили немножко. Какой ни будет новый директор, всё равно хуже прежнего невозможно. Однако вскоре их радужное настроение неожиданно было омрачено.

Креветкин же не просто уволился, он уехал из Теремковска. Его перевели в областной центр – на повышение пошёл. Отныне курирует все промышленные предприятия области. В том числе и теремковские. Их, правда, в райцентре немного, помимо асфальтового завода от силы ещё штук восемь наберётся. При желании Креветкин может помочь – выделить какие-то деньги, гранты, найти инвесторов или создать другие какие-то льготные условия. Всё-таки не чужой человек, земляк. Важно поддерживать с ним хорошие отношения. Даже нужно его как-то умаслить.

Долго думали в городской администрации, как подлизаться к бывшему директору, и в конце концов решили назвать его именем улицу, на которой находился асфальтовый завод. Улица, правда, короткая, там всего один дом, вернее завод. Его почтовый адрес – Пролетарская улица, 1. На чётной стороне домов нет, это окраина

Вскоре жестянку с прежним названием убрали, а на её месте появилась металлическая пластина с выпуклыми буквами: «Улица Креветкина».

Это очень задело рабочих за живое. От возмущения они не находили себе места. Им его фамилию слышать противно, а тут идёшь на работу по такой улице

Следует сказать, городские власти проявили определённую дальновидность. В администрации понимали, что рабочие захотят табличку с фамилией постылого директора сорвать или залить краской, в общем, покорёжить. Сделают с ней что-нибудь, потом и спросить не с кого. Как найдёшь виновника? Поэтому следует установить здесь камеру наружного наблюдения. Тогда будет видно изображение вандала, его можно наказать.

Камеру установили довольно высоко, на специальной штанге, обмотанной колючей проволокой. До неё трудно добраться. Иначе бы её в два счёта разнесли вместе с пресловутой табличкой. Рабочие видели камеру, поэтому сдерживались. Кому охота искать приключения на свою шею! Увидят, что ты срываешь название с фамилией бывшего директора, затаскают ещё, чего доброго, по судам.

Короче, работники завода до поры до времени проявляли толерантность к ненавистному имени, хотя внутри всё кипело. Мысль о ликвидации противной таблички зрела. Были разные предложения – путные и отдающие маниловщиной. Всё обсуждалось, только единодушной поддержки ничего не находило. Пока однажды технолог Ошарашин не предложил товарищам по работе такой вариант:

– У меня есть знакомый в стрелковом клубе. Предлагаю через него договориться с каким-нибудь хорошим снайпером. Пускай он издали выстрелит в объектив этой чёртовой камеры. Потом мы с табличкой разделаемся элементарно

Предложение, как говорили в старину, было принято за основу. Детали уточнили быстро. Главная из них – сколько заплатить стрелку за работу. Деньги нужно собрать вскладчину. Решили сначала выслушать его требования, потом уже посчитать, по сколько скидываться.

И тут рабочим несказанно повезло – лучший клубный стрелок запросил чисто символические деньги. Как и многие теремковцы, он слышал о гнусном поведении Креветкина. В глубине души он сочувствовал рабочим и много заламывать не стал. Вдобавок ему хотелось попробовать себя в деле. Тренировки тренировками, только найти практическое применение своим навыкам тоже руки чешутся.

Акцию назначили на обеденный перерыв. Чтобы камера его не зафиксировала, снайпер, его звали Филимон, стрелял издали. На этом и был построен весь расчёт. Как и следовало ожидать, он с первого выстрела разнёс вдребезги объектив, то есть камеры, считай, не осталось. После чего рабочие спокойно довершили начатое дело до победного конца и, содрав злополучную табличку со стены, разбежались... Чуть было не написал привычное «в разные стороны». Но нет – в одну: все вернулись на завод. Действовали они быстро, слаженно. Когда полиция приехала, их и след простыл – все уже на работе.

В тот день в городской администрации царило унылое настроение. Там даже запаниковали – нужно побыстрее загладить следы бедствия. Пока об этом не пронюхал сам Криветкин. Если обидится на такое непочтительное отношение земляков к его персоне, не видать Теремковску ни инвестиций, ни привилегий.

Было создано экстренное совещание. Открывая его, мэр Андрей Андреевич сказал:

– Разумеется, всем известно, что Криветкин – дерьмо первостатейное. Однако сейчас он занимает важный пост. В какой-то степени мы от него зависим. Поэтому не надо дразнить гусей. Инцидент с сорванным названием улицы, носящей имя Степана Леонардовича, нельзя оставлять без внимания. Нужно придумать, как побыстрее выкрутиться из этого щекотливого положения.

Стали обсуждать. Выступавшие были более или менее единодушны. Все пришли к выводу, что и пластину с новым названием, и камеру наружного наблюдения нужно восстановить, точнее, поставить на том же месте новую. А дальше начались разногласия.

Некоторые считали, что под названием следует установить полицейский пост и организовать там круглосуточное дежурство. Иначе пластину опять сорвут. Напрасно начальник городского УВД плакался на то, что у него не хватает людей. Его никто не слушал. (Пренебрежительное отношение к его словам отчасти объяснялось тем, что он недавно опростоволосился: после ограбления продуктового ларька в интервью для радио так подробно рассказал о готовящемся плане «Перехват», что спугнул преступников.)

Но и без нытья главного полицейского многим показалось, что устраивать на забытой богом улице круглосуточное дежурство – слишком жирно будет. Спорили до хрипоты и после жарких дебатов пришли к такому выводу: первым делом нужно провести баллистическую экспертизу. Найти место, откуда велась стрельба и установить там камеру наружного наблюдения.

Начальник ГУВД тут же приказал по телефону отправить эксперта на место преступления и, пока на совещании обсуждались другие проблемы (их в городе выше крыши), тот всё разнюхал и, позвонив, доложил, мол, был сделан один выстрел, видимо, профессионалом. Стрелял снайпер, находясь возле заброшенного деревянного домика с покосившимся забором. Эта хибара находилась на углу переуллка, начинающегося возле трамвайного кольца и упирающегося в улицу – чтоб ему пусто было (так выразился эксперт) – Криветкина. Больше вроде бы и стрелять неоткуда, высоких построек рядом нет. Напротив того места целесообразно установить вторую камеру наружного наблюдения.

Только наивный человек мог подумать, будто, присобачив камеры наружного наблюдения в двух местах, отцы города поставили перед противниками Криветкина неразрешимую задачу. Она была решена с поразительной лёгкостью. Сначала Филимон с одного выстрела разнёс камеру возле конечной остановки трамвая. Потом перешёл к тому месту, откуда стрелял в самый первый раз. Последовал второй точный выстрел, после чего рабочие асфальтового завода подбежали и раскурочили пластину с новым названием улицы. Считанных минут не хватило полиции, чтобы поймать таинственных нарушителей общественного порядка.

Всё вернулось на круги своя: в городской администрации снова созвали экстренное совещание, и начальник ГУВД опять отправил на место преступления эксперта по баллистике. На этот раз его вывод был менее утешителен. Раньше место стрелка определялось однозначно. Сегодня же у снайпера была двухэтапная стрельба. Сначала он уничтожил камеру на углу переулка. По мнению эксперта, стрелять тот мог с какой-то одной из двух точек. Там по разные стороны трамвайной линии стояли трёхэтажный и пятиэтажный дома. Скорей всего, стрельба по камере велась с крыши одного из них, с какого именно – сказать трудно, гильзу обнаружить не удалось.

– Если будем пытаться выследить стрелка, – это уже говорил начальник ГУВД, – необходимо устанавливать дополнительные камеры видеонаблюдения на каждом из этих домов...

При этих словах не выдержали нервы у обычно молчаливого начальника финансового управления Причинского.

– Господа! – взревел он. – Вы не отдаёте себе отчёта в своих действиях! Мы уже потеряли две камеры. Теперь уже требуется четыре. Вдобавок нужны кронштейны, электрический кабель. Вы представляете, сколько стоит это добро?!

Тут начальник финуправления озвучил цену, услышав которую, трое из восьми присутствующих принялись лихорадочно глотать валидол, а один – нитроглицерин. Причинский тем временем продолжил свой спич:

– Даже если этот прохиндей Креветкин выделит теремковскому бюджету дополнительные деньги, в чём я сильно сомневаюсь, всё равно мы предварительно ухлопаем уйму средств на сохранение названия улицы его именем. Поэтому подобная новация является нерентабельной. Лишних денег у города нет.

Все задумались. Наконец после драматической паузы Андрей Андреевич сказал:

– Ежу понятно, что эту акцию организовали рабочие асфальтового завода. И будут заниматься они такой ерундой, сколько сил хватит.

– То есть бесконечно, – вставил Причинский.

– Боюсь, что так, – согласился мэр. – Выходит, мы оказались на распутье. Вернуться к старому названию, то бишь к Пролетарской улице, значит расписаться в своём бессилии. Рабочие подумают, что мы их испугались.

– Этого ещё не хватало, – поёжился полицейский начальник.

– Можно из принципа защищать новое. Стоять на своём, и баста. Это означает втянуться в затратную тягомотину. Остаётся поговорить по душам с рабочими. Сказать, так, мол, и так, мужики. Вас наше название не устраивает, предлагайте своё. Если вы считаете, его легко придумать...

* * *

Андрей Андреевич решил поговорить с рабочими лично. Поручить столь щекотливое дело кому-либо из подчинённых было боязно – вдруг наломают дров. Щекотливость заключалась в том, что администрация хотела просить о поблажке. Пускай улица называется так, как пожелают рабочие. Но если в город приедет Креветкин, то на время его визита вешать на место название с его фамилией

– Иначе вони не оберёшься, – такими душевными словами завершил своё обращение мэр, выступая на асфальтовом заводе.

Чувствовалось, его выступление понравилось собравшимся. Они дружно поаплодировали. Затем один из них, заводской ветеран, заляпанный противник прежнего директора, обратившись к мэру, сказал:

– Вы с нами по-человечески, и мы с вами по-человечески. Чёрт с ним, с Креветкиным. Если мерзавца случайно занесёт в Теремковск, вешайте название с его фамилией. Не станем вас подводить, потерпим. Тем более что надолго этот босяк вряд ли припрётся. Что касается нашего названия, то с кондачка такие вещи не решаются. Мы тут с товарищами обмозгуем и сообщим вам.

– Только, пожалуйста, чтобы оно было без ненормативной лексики, – попросил Андрей Андреевич.

– Это уж как водится, – заверили рабочие мэра. – Всё будет сделано, как в лучших домах Лондона.

После смены заводская инициативная группа поехала в стрелковый клуб, где вечерами тренировался Филимон. Они рассказали ему о договоре с городской администрацией, сказали, что хотят назвать улицу его именем. Услышав это, снайпер от смущения чуть не выронил из рук винтовку с оптическим прицелом. Он даже покраснел и умолял этого не делать. На недоумённые вопросы ответил.

– Имя у меня редкое, да и фамилия подкачала – Крыльцовский, такая нечасто встречается. Если будет написано «Улица Филимона Крыльцовского», полиция догадается, кто угробил камеры наружного наблюдения, и меня по головке не погладят – оштрафуют или даже арестуют за порчу казённого имущества. Я предпочёл бы остаться неизвестным. Лучше уж от греха подальше назвать улицу как-нибудь по-другому.

Работники асфальтового завода посчитали слова Филимона резонными. Всё же им нестерпимо сильно хотелось каким-то образом выразить свою признательность за безупречно проделанную работу. Поэтому решили имя в названии не упоминать, оставить только настоящую профессию. И вскоре на заводской ограде появилась мраморная дощечка со словами «Улица неизвестного снайпера». Ниже, на уровне человеческого роста, приделали полочку. На ней всегда лежат живые цветы.

ГАДКАЯ ЛОДКА

Еремей Тунцов жил в деревне с романтическим названием Коленовка. Она живописно раскинулась на левом берегу несудоходной речки Теремковки в аккурат напротив районного центра Теремковска. До недавнего времени оба населённых пункта были соединены мостом – добротным деревянным сооружением. Он и пешеходный, и автомобильный. Жители обоих берегов нещадно его эксплуатировали: ходили по нему круглый год в любую погоду. Ну и доходились в конце концов. Всё-таки сооружение находится не в тепличных условиях, стоит на открытом воздухе, солнце, дождь, испытывает чудовищные нагрузки: женщины на шпильках, мужики в башмаках с подковками.

Когда мост через Теремковку настолько прогнил, что от малейшего дуновения ветра рухнул окончательно и бесповоротно, смекалистые коленовские мужики вплотную занялись предпринимательской деятельностью – они стали за умеренную плату на лодках перевозить односельчан на другой берег.

Дело оказалось прибыльным. Горожане, те, конечно, в деревню не шибко-то рвутся. А вот коленовцам в город время от времени приходится ездить почти всем. Там какие-никакие магазины, аптеки, картинная галерея, где раритет на раритете. Одного Эль Греко три штуки. Даже Айвазовский есть. Одним словом, райцентр. Некоторые коленовцы вообще там работают. Ближайший же сохранившийся мост находится за пятьдесят километров, и тот дышит на ладан. Поэтому лодка тут первый помощник, без неё не обойтись.

Те, у кого есть лодка, благодарят судьбу за то, что мост накрылся медным тазом. Теперь у них появился хороший источник дохода. Им платят те, у которых своей лодки нет.

У Еремея Тунцова лодки отродясь не было. Хотя мечтал о ней, можно сказать, денно и ночью. Да всё как-то не получалось, не судьба. Только накопит денег на лодку, как вдруг – бац! – подвернутся другие непредвиденные расходы. Последний раз, например, купил горящую туристическую путёвку в итальянский город Венеция.

Еремей поехал туда, потому что любил разглядывать всякие достопримечательности. Хлебом его не корми, а покажи какую-либо диковинку. Только он не бездумно таращился на них, а всегда мечтал, видя что-то путное, внедрить то же самое у себя в деревне. Перенять полезный опыт. Вот и в Венеции он ходил на площадь Святого Марка, на мост Вздохов, посетил Музей стекла, Палаццо Grimani и ещё много на что поглазел. Особенно понравились ему гондолы.

Дело в том, что город Венеция находится на воде. Там вместо улиц каналы, передвигаются по ним не на машинах, а на специальных лодках, которых венецианцы называют гондолами.

Узкие, быстрые, остроносые, похожи на лебедей... Еремей как увидел их, у него прямо сердце затрепетало от зависти. Живут же люди, думает. Почему же мы в своей деревне прозябаем без гондол. Надо будет, когда вернусь в Коленовку, сварганить себе такую же

Сказано – сделано. Руки-то золотые.

Еремей трудился над изготовлением гондолы всю зиму. Торопиться некуда. Пока река замёрзла, коленовцы на другой берег пешком ходят. Это для них лучшее время года. А когда лёд сошёл, началась навигация, так мужики лодки на воду и вытащили. Вывел свою новую посудину на свет божий и Еремей.

Мужики сразу подняли его на смех.

– Какая гадкая лодка! – в сердцах говорили они. – У всех лодки как лодки, а это типичная сопля в обмороке. На неё чихни, она мигом развалится. Такая, небось, воды боится. Хотя бы баржа утащила эту уродину. Только деревню позорит. Тьфу!..

Они так ругали гондолу, что Еремеею поневоле вспомнились слова персонажей его любимой сказки про гадкого утёнка.

У потенциальных пассажиров тунцовская самоделка тоже энтузиазма не вызвала. Они предпочитали плавсредства пусть неказистые на вид, зато проверенные.

Так и мыкался Еремей до середины лета, никто не рвался ехать на его гондоле. Уже мать причитала:

– Нашёл бы ты, Еремеша, работу повыгоднее. Устроился бы на птицефабрику или выучился бы на пожарного. Там, говорят, людей не хватает. Оказывается, у нас ещё не всё сгорело.

Лишь одна женщина, у которой неожиданно начались родовые схватки, воспользовалась его услугами, поскольку все другие лодки были в отъезде. (Кстати, будущего сына она на радостях обещала назвать в честь своего спасителя. К сожалению, у неё родилась дочка.)

Но вот однажды в Коленовку приехала большая группа итальянских туристов, целый автобус. Их привезли к соседу Тунцова, дяде Кузе – известному художнику-примитивисту. Итальянцы по горло сыты всякими их Рафаэлями, захотелось чего-нибудь попроще. Вот и приехали в Коленовку. Кое-что купили у дяди Кузи, потом решили прошвырнуться по деревне. Вышли на берег и неожиданно увидели гондолу. Только увидели, как такая ностальгия по родине их обуяла, что приспичило покататься на гондоле. Всем, без исключения.

От такого внимания гондола совсем смутилась. Но нисколько не возгордилась. Она встрепелулась, горделиво выгнула нос и, игриво покачивая кормой, стала с лёгкостью носиться по речным волнам, чувствуя себя здесь как рыба в воде.

До позднего вечера возил Еремей зарубежных гостей: по три-четыре человека за рейс, и в результате заработал за этот день столько, сколько на обычной лодке за всё лето не заработаешь. Даже художнику дяде Кузе такие деньги не снились.

Теперь Еремей мог позволить себе купить любую лодку, даже моторную. Однако его вполне устраивала гондола. На вырученные деньги он предпочёл купить горящую туристическую путёвку в голландский город Амстердам. Хочет побродить по улицам, поглазеть на тамошние достопримечательности, вдруг присмотрит что-нибудь путное для своей деревни.

НОС. ПРИКВЕЛ

Читателям прекрасно памятно начало гоголевской истории про самостоятельные странствия носа майора Ковалёва. Автор подробно описывает, как цирюльник Иван Яковлевич пытался избавиться от обнаруженного в хлебе постороннего носа. Какое-то время он мыкался с ним по городу, пока не наткнулся на квартального надзирателя. Тому, видите ли, не понравилось, что цирюльник долго стоял на мосту. Прицепился к нему как банный лист, мол, изволь-ка рассказать, бестия, что ты там делал?

Чем окончилась их перепалка, для читателей остаётся тайной. Автор так и пишет: «Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно».

Действительно, раньше это не было известно. Зато сейчас, когда полицейские архивы открыты и доступны для всех желающих, туман над этой историей постепенно рассеивается. Известно, например, что надзиратель пристал к Ивану Яковлевичу с расспросами. Цирюльник держался как камень и своей несгибаемой стойкостью довёл надзирателя до белого каления, и тот решил отвести его в околоток. Иван Яковлевич сопротивлялся этому, во время потасовки ковалёвский нос выпал из его кармана и убежал, после чего случились известные читателям события. Что действительно мало кто знает, так это почему нос оказался у цирюльника Ивана Яковлевича. А ведь по горячим следам было возбуждено дело, велось следствие, и хотя это оказался чистой воды висяк, кой-какие подробности сохранились.

Всё началось с того, что в один прекрасный день майору Ковалёву захотелось изменить форму собственного носа в лучшую сторону. Увидел, как одна знакомая дама, дочка столоначальника, которой он строил куры, сделала себе две пластические операции, убрав второй подбородок и установив силиконовый бюст, и тоже вознамерился похорошеть, изменить внешность.

Надобно сказать, в последнее время Ковалёв всё чаще ловил на себе насмешливые женские взгляды. Внимательно рассмотревши себя в зеркале, майор пришёл к выводу, что виной всему нос. Он давно служил предметом насмешек коллег; от него отнимали даже благородное имя носа и называли его шнобелем или рубильником. Вдобавок с годами на нём появилась сеть тонких фиолетовых прожилок, а в аккурат на кончике топорщился жёсткий волос.

Первым делом Ковалёв сунулся в институт красоты, однако там заломили такую цену, которая была ему не по карману. Не имелось у него отца-столоначальника. Бежал оттуда без оглядки. А менять надо – уже настроился.

Ковалёв каждую среду и воскресенье брился у некоего Ивана Яковлевича. И слышал от излишне болтливого цирюльника, что его сосед делает на дому пластические операции. Официально тот работает в клинике лазерной медицины, где операции стоят дороговато. Дома же, по старинке – скальпелем, даже без заморозки, делает по дешёвке.

Иван Яковлевич поговорил с Григорием Петровичем, так звали хирурга, и тот назначил Ковалёву время для визита.

Григорий Петрович долго рассматривал ковалёвский нос, крепко зажав его своими пальцами с изуродованными ногтями. Затем, покачав головой, сказал:

– Нет, нельзя поправить, дюже плохой нос!

У Ковалёва при этих словах ёкнуло сердце:

– Отчего же нельзя, Петрович? – произнёс он почти умоляющим голосом ребёнка. – Ведь только и всего, что убрать лишнее по бокам да укоротить.

– Нет, – сказал Петрович решительно, – ничего поправить нельзя. Надобно менять. Новый ставить.

– Ну, если бы пришлось новый, сколько это будет стоить?

Григорий Петрович, как обычно, был несколько подшофе, поэтому цену назвал достаточно либеральную. Майор согласился. Прежний нос хирург тотчас срезал и пообещал, что завтра днём на его место будет прикреплён новый.

– Мне как раз обещали привезти хороший импортный нос.

– Не из Китая? – робко поинтересовался Ковалёв, недавно хлебнувший горя с соковыжималкой из Поднебесной.

– Нет, греческий, – успокоил его кудесник скальпеля и уточнил: – А денёк походите без носа.

В те времена стукачество ещё не расцвело пышным цветом, однако первые ростки уже пробились на свет божий, и как раз в тот день кто-то из тайных недоброжелателей Петровича сообщил в компетентные органы, что хирург занимается на дому частной практикой, старательно уклоняясь от уплаты налогов.

Когда в воскресенье утром к нему нагрянули из охраны с обыском, его супруга Алевтина Игнатьевна собиралась печь хлебцы, до которых муж был большой охотник. Тесто уже было готово и порциями покоилось на табуретке в нескольких кружках. Завидев незваных гостей, хирург-надомник быстро сунул в одну из них опасную улику – свежесрезанный ковалёвский нос.

Предъявив ордер на обыск, оперативники пригласили двух понятых, одним из которых оказался живший по соседству цирюльник Иван Яковлевич, и принялись было за дело.

В те достославные времена стукачество, как уже говорилось выше, было развито слабо. А о борьбе с коррупцией слухом не слыхивали. Поэтому хозяева предложили людям из органов обильное угощение, от чего те не нашли сил отказаться. Алевтина обещала приготовить пирожков с вязигой. Их оперативники дожидаться не стали. Похлебали борща с натёртыми чесноком пампушками, отведали бараний бок с гречневой кашей, сдобрив это знатной порцией горилки с перцем, и отбыли восвояси.

Надобно сказать, что Петрович пил наравне с незваными силовиками, которые потом преспокойно удалились по своим правоохранительным делам. В отличие от них, не обладая столь тренированным организмом, Петрович едва дошёл до дивана, рухнул на него и вырубился.

А Алевтина Игнатьевна, накрыв стол оперативникам, продолжила кухарить, то есть печь хлебцы. Один из понятых, видя, что угощения не обломится, деликатно удалился, проклиная жлобских хозяев, а второй, цирюльник Иван Яковлевич, делал вид, что надобность в нём не отпала, продолжал торчать в коридоре, в глубине души надеясь на угощение, поскольку уж такой аромат шёл от готовых хлебцев, что дух захватывало. Однако Алевтина Игнатьевна была женщина мудрая и смекнула, что замасливать соседа вовсе не обязательно.

Потоптавшись в коридоре, Иван Яковлевич понял, что ему ничего не обломится. Однако возвращаться с пустыми руками страсть как не хотелось. Поэтому, улучив момент, когда хозяйка отлучилась в гостиную, цирюльник схватил одну из стоявших на табуретке кружек с тестом и был таков. Придя же домой, вручил тесто своей супружнице Прасковье Осиповне, строго-настрого наказав, чтобы та утром испекла хлеб.

Надобно ли добавлять, что именно в этой кружке и был спрятан орган обоняния, который хирург отхватил намедни с ковалёвского лица.

Утром Иван Яковлевич с неодолимой жадностью принялся есть свежеиспечённый хлеб и наткнулся на инородное тело, то бишь нос.

Положение возникло из претурацких. Признаваться в том, как он попал в их дом, нельзя, поскольку обвинят в воровстве. А он подобных инсинуаций терпеть не мог. Такой уж у этого строптивца был характер. Ещё могли подумать, что это он, неловко орудуя бритвой, по неосторожности отхватил нос клиента. Обвинение же в непрофессионализме ещё хуже воровства. Поэтому Иван Яковлевич решил избавиться от носа, что сделал, правда, недостаточно ловко, что и привело к вышеупомянутому инциденту с квартальным надзирателем, во время которого нос благополучно сбежал.

Постепенно таинственное происшествие забылось, и только пластический хирург Петрович знал истину. Знал, да помалкивал, чтобы не позориться. Тем более подобный казус был далеко не первым в его практике. Что нос! Был случай, когда он отхватил клиенту целую голову, не уследил, и та, улучив момент, сбежала. Её потом Пушкин описал. В «Руслане и Людмиле».